

Культура как субъект и метафора «Судьбы культуры»

УДК 304.2

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-3113-24-31>

М. Г. Беляев

Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация
e-mail: eisbar1989@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению феномена культуры через призму ее субъектности и с помощью метафоры «судьба культуры». Рассмотрены виды теоретического осмыслиения культуры, в числе которых эволюционистские подходы и цивилизационные концепции. Именно в цивилизационных концепциях культура представляется как «субъект». Отражены истоки понятия «судьба» в его взаимосвязи с понятием жизненного пути на примере теории О. Шпенглера о жизненных циклах культур. Представлена позиция С. Л. Франка, polemизировавшего со Шпенглером по вопросу гибели западной культуры. Поставлена проблема единства человечества и разных путей культур. Ведь различные культурные общности, то есть различные субъекты, сохраняют индивидуальную специфику духовной жизни и различие своих судеб. Но из «судеб разных культур» во всем их богатстве складывается общая судьба человечества.

Ключевые слова: субъект, «судьба культуры», жизненный путь, цивилизационная концепция, кризис культуры, единство человечества, диалог культур.

Для цитирования: Беляев М.Г. Культура как субъект и метафора «судьбы культуры» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №3 (113). С. 24-31. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-3113-24-31>

CULTURE AS A SUBJECT AND METAPHOR OF THE «FATE OF CULTURE»

Mikhail G. Belyaev

South Federal University,
Rostov-on-Don, Russian Federation
e-mail: eisbar1989@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the consideration of the phenomenon of culture through the prism of its subjectivity and with the help of the metaphor of «the fate of culture». The types of theoretical understanding of culture, including evolutionist approaches and civilizational concepts, are considered. And it is precisely in civilizational concepts that culture is represented as a «subject». The origins of the concept of «fate» in its relationship with the concept of life path are reflected on the example of O. Spengler's theory of the life cycles of cultures. The position of S.L. Frank, who polemicized with Spengler on the death of Western culture, is presented. The problem of the unity of humanity and different ways of cultures is posed. After all,

БЕЛЯЕВ МИХАИЛ ГРИГОРЬЕВИЧ – аспирант, Южный федеральный университет

BELYAEV MIKHAIL GRIGORIEVICH – Postgraduate student, Southern Federal University

© Беляев М.Г., 2023

different cultural communities, that is, different subjects, preserve the individual specifics of spiritual life and the difference in their destinies. But from the «destinies of different cultures» in all their richness, the common fate of mankind is formed.

Keywords: subject, «fate of culture», life path, civilizational concept, crisis of culture, unity of mankind, dialogue of cultures.

For citation: Belyaev M.G. Culture as a subject and metaphor of the «fate of culture». *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 3 (113), pp. 24-31. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-3113-24-31>

Тема этой статьи в полной мере принадлежит кругу проблем философии культуры и философской антропологии, так как связывает понятие судьбы, применяемое, прежде всего, к индивиду, с путями развития культуры.

Ответ на философский вопрос о феномене «судьбы культуры» призван помочь в изучении различных интеграционных и дезинтеграционных процессов мирового масштаба в культуре, обществе, политике. Осознание сущности культуры¹ как особой сферы бытия – одна из актуальных философских проблем, которая не раз в истории человечества приобретала как теоретическое, так и практическое значение. Без определенного, осознанного ответа на проблемные вопросы бытия культуры, перспектив и приоритетов в ее развитии не удавалось, в конце концов, решение и более частных задач человеческого существования.

По нашему мнению, для прояснения ответов на эти вопросы является интересным рассмотрение ее феномена через призму субъектности и с помощью метафоры «судьбы культуры».

Вот уже не одно столетие ученые и философы пытаются осознать в полной мере феномен существования и сущности культуры – этой динамичной, многообразной и неулови-

мой основы и производной жизни человека разумного. Для изучения и осмысливания ее выведены сотни определений в самых разнообразных подходах и ракурсах научной мысли. И всякий раз, убеждаясь в неполноте понимания сути этого многограннейшего явления, разум будто натыкается на свои собственные границы. Разумным выводом из этого будет утверждение, что пока еще в полной мере подлинно культура не открыта, а произойдет это событие когда-то в будущем. И, как верно заметил по этому поводу Л. Уайт, «будет стоять в одном ряду с гелиоцентрической теорией Коперника или открытием клеточной основы всех форм жизни» [11, с.147].

Явление культуры столь сложно, обширно и многогранно, что даже только процесс теоретического осмысливания ее состоит из многочисленных вариаций разрешения вопросов, неизбежно в ходе его появляющихся, и ответы на которые складываются в независимые одна от другой (и более того, зачастую друг другу противоречащие) научные концепции. В эпоху расцвета философского позитивизма, без всякого сомнения, очень велик был соблазн представить феномен культуры как эволюционирующий до бесконечности. В соответствии с данным взглядом на культуру человеческие сообщества приспособливаются к историческим и природным факторам своего бытия, а это, в свою очередь, «толкает» эти группы людей на путь неминуемого культурного совершенствования. При этом приверженцы такого взгляда на происхождение и развитие культурных систем безапелляционно утверждают наличие их перманентного развития

¹ Говоря о культуре, мы опираемся на работы Э. С. Маркаряна, В. Е. Давидовича, Ю. А. Жданова, Г. В. Драча, и это означает, что в понятие культуры для нас входит представление о совокупности способов действия и поведения людей, а также их результатов. Однако деятельностный подход мы продолжаем субъектным подходом.

с неизбежным усложнением этих систем как следствием их системной самоорганизации. Увеличение сложности культурной системы связано с эволюционным развитием неразрывной причинно-следственной связи. Ведь даже в один и тот же промежуток времени эта связь может осуществляться разными способами – от плавной (так сказать, медленно эволюционной трансформации), когда даже элементы этой системы остаются прежними, до появления совершенно новых элементов, да еще и связанных между собой абсолютно иначе. Есть и такой вариант, при котором составные части остаются неизменными, а вот связываются и организованы они теперь совсем не так, как ранее, что, по мнению приверженцев этой теории, случается не так уж редко. Из этой теоретической концепции произошел непосредственно эволюционизм [9] и неоэволюционизм [8], главный недостаток которых, по нашему мнению, заключается в одном из их заглавных тезисов. Из оного следует, что культура *не имеет субъектности и не существует как эмпирический объект*.

Но ведь будет крайне неверным считать, что все культурные системы в истории шли по дороге линейного прогрессирующего развития. Достоверно можно только сказать о справедливости эволюционного подхода в отношении их некоторой части, которой посчастливилось существовать в благоприятных условиях, способствовавших поступательному развитию. Что же тогда говорить о случаях прямо противоположных, когда на фоне регрессирующей динамики речь идет о заведомом снижении уровня сложности, при котором наступают процессы деградации и, в конечном итоге, гибели культурной системы (как тут не вспомнить падение и разрушение Римской империи?!). И вот мы уже видим изменение движения истории, проходящее по циклическому типу с развитием, достижением пика, деградацией и смертью конкретной культуры.

Задаваясь целью описания подобной циклической динамики культуры, ряд ученых описали теории цивилизаций, каждая

из которых в центре своего внимания выделяла своеобразно и неповторимо развитые исторические регионы, развивающиеся и разрушающиеся по собственным особенностям законам. Эти регионы зачастую замкнуты и уникальны в своем жизненном пути. В этой статье мы обращаемся к идеям О. Шпенглера и Л. Н. Гумилева, чьи идеи ярко иллюстрируют циклическую динамику культурных типов. Эти авторы отнюдь не безуспешно искали, талантливо описали и в некотором смысле «создали» классификацию огромного числа исторических событий в процессах культурогенеза различных локальных систем.

И только при циклическом способе рассмотрения культурной динамики можно взглянуть метафорически на культуру в роли субъекта. Возможность такой метафоры выходит из общности основополагающих для жителей конкретных культурно-исторических областей факторов: занимаемой территории, общего языка общения, обычая и традиций, менталитета. Так, Л. Н. Гумилев в своих культурно-исторических построениях глубоко осмысливает развитие культуры в истории и на основе этого получает свою знаменитую теорию этногенеза. Этнос – основополагающий термин его умозаключений – как раз и складывается на основе общности поведения людей, существует как энергетическая структура, противопоставляющая себя всем другим подобным структурам, отталкиваясь от ощущения комплементарности [5]. Стоит добавить, что отождествлять культуру и этнос нельзя, так как одну культуру могут составлять и несколько этносов. Добавим, что, в особенности при слиянии разных этносов в единую культуру принципиально важным становится момент самосознания людей как принадлежащих к единому целому. Совокупный культурный субъект складывается из единства многих самосознаний, которые и создают вместе с социальными связями и единством исторической памяти культуру как «подобие личности», способной пройти единый жизненный путь. Впрочем, этот путь может быть сложным и извилистым.

Несомненно, выдающимся представителем цивилизационного подхода к культуре стал Освальд Шпенглер. Он видел в культуре целостное развивающееся организмическое начало – субъект. Известный мыслитель полагал, что «всякая культура неизбежно должна обладать своей собственной идеей судьбы, причем этот вывод содержит уже в самом ощущении, что всякая великная культура является не чем иным, как осуществлением и образом одной-единственной, неповторимой судьбы» [13, с.155]. Рассмотрим его идеи подробней.

Немецкий мыслитель О. Шпенглер отказывается от стремления свести весь культурно-исторический процесс к одной стержневой логике, пронизывающей всю историю и находящей свое завершение в некой высшей точке. Для Шпенглера нет единой мировой культуры. Есть лишь различные культуры, каждая из которых имеет свою собственную судьбу: «...У «человечества» нет... никакой идеи, никакого плана. (...) Вместо безрадостной картины линеарной всемирной истории ... я вижу настоящий спектакль множества мощных культур, с первозданной силой расцветающих из лона материнского ландшафта, к которому каждая из них строго привязана всем ходом своего существования, чеканящих на своем материале – человечестве – собственную форму и имеющих каждая собственную идею, собственные страсти, собственную жизнь, чувствование, собственную смерть» [13, с. 30].

В своем фундаментальном труде «Закат Европы» Шпенглер провел хронологические параллели между духовными, политическими и эпохами в искусстве – египетской, индийской, китайской, античной, арабской и западной культур, назвав эти эпохи «одновременными».

Крайне любопытным, на наш взгляд, является сопоставление жизненного пути античной и западной культур. В искусстве и политике автором выделяется предвремя, воплощением которого в античности является Микенская эпоха, а в западной культуре – эпо-

хи Меровингов и Каролингов. Если провести аналогии с жизнью человека, то это – рождение и раннее детство исследуемых культур.

Следом за предвременем в теории Шпенглера в искусстве идет рождение и расцвет вырастающих из духа ландшафта бессознательно творимых форм [13, с. 67] раннего времени культуры: XI–IX вв. до н. э. в Античности (деревянная архитектура с дорическими колоннами) и X–XII вв. на Западе (сводчатые храмы романского и раннеготического стилей); в духовной жизни – это греческо-италийская народная религия Деметры, поэзия Гомера, мифы о Геракле и Тесее у древних, но таких «молодых» тогда еще греков и итальянских племен, и германский католицизм, Эдда, народный и рыцарский эпосы, жития святых на Западе. Этот юношеский период в истории культур немецкий философ характеризует как «рождение мифа большого стиля как выражение нового ощущения Бога. Мировой страх и мировое томление» [13, с. 67].

Молодость культур, приходящаяся в Античности на VIII–VI века до н. э., а в западной культуре – на XII–XV века, характеризуется завершением раннего языка форм с исчерпанием его возможностей и противоречием в искусстве. На античных Пелопоннесе и Апеннинах – это конец дорического-этрусского стиля высокой архаики, а на Западе – поздняя готика и Возрождение. Духовные эпохи культур описываются наиболее ранним мистически-метафизическим оформлением нового взгляния на мир: в Античности – древнейшая, бесписьменная орфика, этrusкское учение и космогонии, а в западной культуре – мистика и схоластика (Фома Аквинский, Данте Алигьери, Майстер Экхарт).

Следующей эпохой для культур, по Шпенглеру, является время зреющего сознания – зрелости (в искусстве – оформления зрелого художественного мастерства), приходящееся на VI–IV вв. до н. э. в античный период, и на XV–XVIII вв. в западной культуре. Эта эпоха крайне насыщена событиями. Здесь и народные бунты внутри религии против крупных форм раннего времени (орфиче-

ское и дионисийское движения античности / Реформация на Западе), и начало чисто философской редакции мироощущения с противоположностью идеалистических и реалистических систем (великие досократики Древней Греции / Декарт, Бэкон, Лейбниц), и «просвещение» (софисты, Сократ, Демокрит / Локк, Вольтер, Руссо), и, наконец, великие завершающие системы (Платон, Аристотель / Гете, Кант, Шеллинг, Гегель, Фихте).

Завершается жизненный путь культуры в духовной сфере пробуждением цивилизации мировых столиц, угасанием душевной формообразующей силы. Сама жизнь становится проблематичной. Происходит переход от культуры к цивилизации в античности в IV веке, на Западе – в XIX веке [13, с.71]. Главенствует материалистическое мировоззрение: культ науки, пользы, благодеяния (в Античности – киники, киренаики, последние софисты; в западной культуре – Бентам, Конт, Дарвин, Маркс, Фейербах). Процветают скептицизм и социально-общественные жизненные идеалы (эллинизм, Эпикур, Зенон / Шопенгауэр, Ницше, анархизм и социализм). Начиная со II века до н. э. в античной культуре и с XX века в культуре западной распространяется последнее мировоззрение (эллинистически-римский стоицизм / этический социализм). Эта духовная эпоха соответствует старости жизненного пути человека и является переходной от культуры к цивилизации, а «будучи последней фазой каждой культуры как органического целого, цивилизация есть резкий надлом всех ее творческих сил, переход к переработке уже использованного историей материала» [1, с.38]. Культура как организм для О. Шпенглера – это внутренняя форма творческой жизни народа; цивилизация – неизбежное «органическо-логическое следствие» и «завершение и исход» культуры.

Полемизируя со Шпенглером, знаменитый русский философ С. Франк замечал, что «весь вопрос в том: в каком именно смысле или – точнее – какая именно «западная культура» умирает. И здесь, в ответе на этот

вопрос, нам должна уясниться шаткость, неточность, в конечном счете ложность самого понятия «западной культуры» у Шпенглера» [12]. Франк замечает, что книга Шпенглера напоминает современному ему человечеству об истинных духовно-исторических силах культуры и идет навстречу его пробуждающейся жажде подлинного культурного творчества, его стремлению к духовному возрождению. И делает следующий вывод: «То, что переживает в духовном смысле Европа, есть не гибель западной культуры, а глубочайший ее кризис, в котором одни великие силы отмирают, а другие рождаются» [12].

В настоящее же время одной из главных философских проблем становится сочетание идеи единого человечества, сочетающего в себе множество оригинальных и неповторимых культур.

«В истории человечества во все времена были некие формы единства разных культур. Культуры взаимодействовали, объединялись, синтезировались и расходились. С другой стороны, культуры всегда были разнообразны, есть классическая формулировка: единство в разнообразии, разнообразие в единстве. Однаково важно и то, и другое» [6].

С проникновением глобализационных процессов практически во все сферы деятельности человека, с появлением новейших информационно-коммуникационных технологий в современном мире как никогда актуальным стало взаимодействие локальных культур в как бы «уменьшившемся» глобальном мире. Бесспорно, что катализатором такого «уплотнения», причиной до того невиданных технических свершений, ставших прочной коммуникационной основой общемирового взаимодействия, стало развитие важнейшего элемента всепланетной культуры – научного знания. Особо сложным и двояким является путь проникновения научных достижений человечества в локальные культуры развивающихся стран. С одной стороны, актуальные научные достижения нашли свое место в их образовательных программах, а население на бытовом уровне освоило эти

научно-технические новинки. Но, с другой стороны, именно в этом аспекте лежат корни весьма настороженного и двойственного отношения к «достижениям цивилизации» со стороны очень многих представителей гуманитарной отрасли знания в этих странах, налицо угроза культурного подчинения доморощенных культур культурам иным, в первую очередь, конечно, влиянию коллективного Запада. Основное недовольство мыслителей Востока и Юга вызывает серьезный раскол между культивируемыми в этих странах традициями духовного производства, ценностным своеобразием их культур и таким цивилизационно-бездушным западным технологизмом.

Основополагающими для любой локальной региональной культуры являются неотъемлемые права на независимый культурный выбор и гарантию самостоятельного развития национальной культуры. Данные права прописаны в конституциях и других нормативных правовых актах большинства государств мира, признаны они и на международном уровне. Именно в этой культурной эманципации и состоит принцип плюрализма культуры – как правило самоопределения *разнообразных культурных субъектов*. Эти субъекты – локальные этносы, нации, регионы, цивилизации – обладают различными судьбами и отличаются друг от друга в своих духовных жизнях. Духовная культура при этом становится естественной средой само выражения общественно активных народных масс, чья деятельность направлена в этой связи на провозглашение своей культурной особости и самоопределение как политическое, так и по принципу культурной общности. И все же «гипертрофия плюрализма может обострить те сложности, на которые натыкаются в своем развитии и становлении постколониальные страны» [4, с. 446]. Действительно, культурный плюрализм как осознание неизбежной самоидентификации, индивидуализации жизненного пути каждого культурного субъекта может привести к ослаблению, а то и расколу ряда государств, невозможности эффективного сотрудни-

чества стран между собой во всех сферах международного взаимодействия. Необходимым видится, чтобы при всех возможных различиях «судьбинных траекторий» между культурами-субъектами оставалась взаимная благожелательность.

При этом плюрализм уровня первичной ячейки (племени, этноса) в культурной сфере на практике оказывается очень вредным для национального объединения и перечит стратегии ряда государств Азии и Африке, призывающей к консолидированной, совместно выработанной точке зрения в отстаивании своих собственных интересов. По этой причине даже сама идея культурного плюрализма очень часто не находит понимания и отсекается большинством глав постколониальных государств. Кроме того, в таких государствах практическое воплощение тенденций культурного плюрализма разбивается о позицию защитников идей паннационализма и национализма, по мнению которых свободное культурное самоопределение несет в себе явно выраженную угрозу национальному единству. Определенно можно утверждать, что последовательное воплощение в жизнь культурного плюрализма играет на руку и рыночному «универсализму» общемирового капитала. Дilemma, возникающая при этом, звучит в немалой степени напряженно: *каким образом оставить позади дезинтеграцию первичных ячеек и основать стабильные культурные общности, не породив заодно межгрупповых, межнациональных и межэтнических конфликтов и не снизив жизненного потенциала первичных ячеек?*

В свою очередь, по мнению ярых сторонников ускоренной модернизации, считающих культурный плюрализм всеобщей данностью, он способствует поддержанию жизни культурных общностей от племен с этносами и до цивилизационных комплексов, лишь бы они, эти комплексы, не мешали ускорению экономической глобализации. Также, по их мнению, именно экономика способна нивелировать отрицательные черты плюрализма культуры.

Выход из этого затруднительного положения роли и места культурного плюрализма в жизни субъектов культуры видится в принципе «единства в разнообразии»: при административной поддержке внутренних составляющих культуры-субъекта (языка общения, религиозных организаций, системы национального права и системы образования) следует их берегать и всячески способствовать свободному существованию самых разнообразных вариантов культуры на политическом уровне.

Культурный плюрализм, этот принцип самоидентификации локальных культур, на поверку оказывается весьма условным и зависит от других факторов общественного существования и неприемлем в качестве надежного критерия при рассмотрении проблем культуры. Как показывает мировая история, самостоятельное развитие культур различных общностей дополняется их взаимовлиянием на фундаменте общего в духовной сфере, а также – посредством межкультурного взаимопонимания. Из «судеб разных культур» во всем их богатстве складывается общая судьба человечества.

В нашей статье предложено раскрытие современного развития культуры через метафору «судьбы культуры», проведены параллели

с определением «судьбы» как характеристики жизненного пути личности.

В современных условиях безостановочно происходящего всеобъемлющего прогресса во всех без исключения сферах жизни общества и человека неизбывность культурного кризиса становится научной данностью. Но в то же время кризис – это всегда вызов для людей, и он предполагает достойный ответ [10].

Теория мировых культур в современности стала в своей основе *мультипарадигмальной*, и в этом видится её главное отличие от теории старой. Многими учеными предложена гипотеза, в соответствии с которой будущее (по крайней мере, при воплощении положительного сценария развития мировой истории) не за единой человеческой цивилизацией, которая – так или иначе – стирает различия в сущности региональных типов человеческих общностей. Будущее за «концертом культурных миров», т. е. диалогом великих цивилизаций планеты, сохраняющих основы своей неповторимой индивидуальности, диалогом, который определяет основное содержание глобального контекста истории человечества. Такую постановку вопроса вполне можно принять.

Список литературы

1. Белов А. В. Культура как организм. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2017. 392 с.
2. Давидович В. Е., Жданов Ю. А. Сущность культуры. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1979. 264 с.
3. Драч Г. В., Штompель О. М., Штompель Л. А., Королев В. К. Культурология: Учебник для вузов. Санкт-Петербург: Питер, 2011. 384 с.
4. Ерасов Б. С. Социальная культурология. Москва: Аспект Пресс, 2000. 591 с.
5. Игошева М. А. Культурологический статус концепции этногенеза Л. Н. Гумилева (автореферат диссертации). Ростов-на-Дону. 1998. 24 с.
6. Лекторский В. А. Единство мира и многообразие культур (материалы «Круглого стола») // Вопросы философии. 2011. № 9. С. 3–33.
7. Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука: логико-методологический анализ. Москва: Мысль, 1983. 284 с.
8. Парсонс Т. Система современных обществ [пер. с англ.]. Под ред. М. С. Ковалевой. Москва: Аспект Пресс, 1998. 270 с.

9. Тайлор Э. Б. Первобытная культура [пер. с англ.]. Москва: Политиздат, 1989. 573 с.
10. Тойнби А. Дж. Исследование истории: Цивилизации во времени и пространстве [пер. с англ.]. Москва: ACT, 2009. 863 с.
11. Уайт Л. Энергия в эволюции культуры. Антология исследований культуры: [сб. ст.] / отв. ред. и сост. Л. А. Мостова. Санкт-Петербург: Университетская книга. 1997. Т. 1. С. 439–464.
12. Франк С. Л. Кризис западной культуры // Бердяев Н. А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914–1922 / вступит. статья, сост. и примеч. В. В. Сапова. Москва: Астрель, 2007. 1179 с.
13. Шпенглер О. Закат Западного мира. Полное издание в одном томе [пер. с нем.]. Москва: Альфа-книга. 2010. 1085 с.

*

Поступила в редакцию 22.05.2023